

ПОСЛЕ СВОЕГО балканского турне президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган анонсировал возможные изменения в кабинете министров. Но сделал это своеобразно, не уточняя, о каких сферах и министрах ведётся речь, и когда именно следует ожидать предполагаемых отставок. Комментируя ситуацию, турецкая газета "Хьюриет" отмечает, что "Эрдоган всегда мотивированно проводил перестановки в своём правительстве, обозначая формирующиеся балансы сил как внутри правящей Партии справедливости и развития, так и на её внешних контурах".

После победы на президентских выборах 14 мая 2023 года Эрдоган почти полностью изменил состав правительства, сохранив только министров здравоохранения и культуры. В кабинет вошли фигуры, имеющие западный образовательный бэкграунд. Так главой МИД был назначен Хакан Фидан, с 2010 года руководивший Национальной разведывательной организацией (МИТ). Ранее предполагалось, что он может занять пост вице-президента, расширив полномочия, однако на эту позицию выдвинули Джевдета Йылмаза, ранее уже входившего в правительство. Портфель министра национальной обороны получил генерал Яшар Гюлер — кадровый военный, до этого занимавший место начальника Генерального штаба. Министерство внутренних дел возглавил Али Ерликай, с 2018 года находящийся на посту губернатора провинции Стамбул.

Наибольшее внимание иностранных экспертов тогда привлекло возвращение в Министерство финансов спустя восемь лет Шимшека — специалиста, обладающего доверием западных инвесторов и способного, как считалось, решать проблемы в турецкой экономике. Также утверждалось, что это правительство, призванное решать экономические проблемы с опорой на новый курс во внешней политике, "просуществует ближайшие пять лет".

Но первые сигналы тревоги стали звучать уже осенью того же года и в необычном ракурсе, поскольку борьба с инфляцией оказалась безуспешной. Но вместо экономического блока правительства под удар попал почему-то только глава МБД Сулейман Сойлу — радикальный националист, который публично обвинял Запад во вмешательстве во внутренние дела Турции и угрожал оппозиционным лидерам расправой. Правительство Шимшека удержалось, ему пели осанну, ведь Турция была исключена из "серого" списка Финансовой группы по борьбе с отмыванием денег (FATF), что позволило привлечь в страну многочисленные инвестиции. Затем международное рейтинговое агентство "Мудис" повысило кредитный рейтинг Турции с В3 до В1 и дало ему положительный прогноз. Турции обещали усиление потока иностранных инвестиций.

Но через 10 месяцев правящая Партия справедливости и развития (ПСР) впервые с 2002 года потерпела поражение на муниципальных выборах и утеряла контроль практически над всеми крупными мегаполисами страны. Эрдоган в обращении к нации заявил: "Спустя девять месяцев после нашей победы на выборах в мае 2023 года, к сожалению, мы не смогли получить на муниципальных выборах тот результат, которого хотели и на который надеялись". Турецкие эксперты загово-

ТУРЦИЯ НА РАСПУТЫЕ

Эрдоган должен сделать стратегический выбор

ЕСЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ к нынешней ситуации, то, как пишет турецкая газета "Хьюриет", "своим анонсом о возможности перестановок в кабинете министров Эрдоган "подвесил" правительство, говоря, что такое может произойти сегодня-завтра-послезавтра". Эксперты полагают, что сделана это не случайно, и президент намерен по каким-то "особым причинам" менять лицо правительства, а не осуществить обычную техническую кадровую рокировку". Причины не названы. Но Эрдоган стал говорить прежде всего о смене заместителей председателя правящей партии, и только в таком контексте он демонстрирует намерение проводить изменения в правительстве. В настоящее время в местных отделениях партии проходят конгрессы, а в апреле-мае 2025 года планируется проведение большого общепартийного съезда. По данным турецких СМИ, возможна смена около 60 процентов руководящих структур партии, в том числе глав отделений ПСР в Стамбуле и Анкаре.

Проблема в том, что ПСР утратила доминирующее политическое положение в обществе и держится у власти только благодаря альянсу с националистами. Нарастание внутренних и внешних конфликтов уже привело к ослаблению сил правящей партии и приближению к властной вертикали оппозиции. В самой ПСР появились харизматические оппортунисты, бывшие близкие соратники Эрдогана, которые стали создавать свои партии: бывший глава МИД и глава правительства Ахмед Давутоглу, экс-министр экономики Турции Али Бабаджан, ветераны правящей партии — мэр Анкары Мелих Гёкчек и вице-премьер Бюлент Арынч. Всё идёт к тому, что появятся реальные признаки воссоздания в стране исторической республиканской матрицы: государственный переворот и появление новой партии, которая потом прорывается к власти. Так было после Меморандума 12 марта 1971 года, когда Бюлент Эдживел занял место Исмета Иненю, а 12 сентября 1980 года, несмотря на попытки предотвратить переворот, Тургут Озал создал Партию Отечества (ANAP). Да и партия Эрдогана обязана своим появлением результатам "постмодернистского переворота" 28 февраля 1997 года.

Поэтому турецкий лидер опасается наступить на старые грабли, особенно после попытки госпереворота летом 2016 года. Тем более что, судя по всему, ему не удаётся разрешать трения внутри ПСР, которые всё чаще стали оказываться достоянием СМИ. Поэтому опасность состоит в отсутствии гарантии, что предстоящие назначения в партии и в правительстве будут проходить по аппаратному сценарию без громких публичных скандалов.

Уже сейчас в соцсетях разворачивается информационная атака против правительства под предлогом обсуждения воз-

можных новых кандидатур в министры и предполагаемых отставок. Неслучайно в эпицентре "чёрного пиара" оказываются лица, которые считаются "приближенными к Эрдогану". Так в Турции закручивается острая внутриполитическая интрига, и складывается впечатление, будто в стране начинается какая-то новая предвыборная кампания, а СМИ наполняются невероятными слухами об обновлении векторов во внутренней и внешней политике Турции. Помимо этого, в оборот введена и тема о трансфере власти к возможному преемнику Эрдогана. Напомним, что ещё в 2021 году американский журнал "Форин Полиси" сообщал, что "Эрдоган, возможно, слишком болен, чтобы продолжать руководить Турцией", и предлагал все высокие кадровые перестановки рассматривать исключительно в контексте возможных преемников, среди которых, в частности, фигурировал нынешний глава МИД Фидан, возглавлявший в течение 13 лет турецкую разведку. В этой связи британская газета "Гардиан" подчёркивает, что "если это так, то предполагаемые перемены в правительстве Турции не связаны с текущей экономической, финансовой или социальной ситуацией, а происходит подготовка к потенциальному сдвигу в направлениях и стилистике международных отношений страны".

Тут многое остаётся неясным. Фактом является то, что дрейф Анкары в сторону укрепления суверенизации не поддерживался экономическими и другими ресурсами со стороны западных партнёров. Был обозначен кризис жанра использования в своих интересах ресурсов старых и новых партнёров и союзников. Как пишет профессор Университета Мальтепе (Стамбул) Хасан Унал, "переход мира к многополярности сыграл бы в значительной степени на руку Турции, но она не боролась и не будет бороться за торжество нового мироустройства, она намерена и дальше извлекать из этого выгоду". Поэтому падение популярности ПСР отражает кризис избранной политической трансформации страны в мировом и в региональном пространстве. Она оказалась сопряжённой с острым финансово-экономическим спадом, вследствие чего стал резко повышаться уровень противостояния со стороны оппозиции по сравнению с прежними электоральными циклами.

Сейчас смысл главной ставки Эрдогана в том, что оппозиции не удастся консолидироваться и выступить против него единым фронтом. Но это только пока. Оппозиция высказывается против президентской системы власти, которая после выборов 2018 года и введения исполнительной системы правления подвергается эрозии. Обещания стабильности и процветания так и остались только обещаниями.

ВЫХОД ИЗ СЛОЖНОЙ ситуации Эрдоган и его ближайшие соратники видят в культивировании и в реализации "национального внешнеполитического видения", учитывая, что оппозиция не располагает разработанной внешнеполитической стратегией. Безуспешны попытки переагрузить отношения Турции с ЕС и сохранить процессы евроинтеграции. Анкара имеет неустойчивые позиции в отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока, противоречиво ведёт себя в отношении войны Израиля с ХАМАС в Газе. Несмотря на громкие обличительные заявления в адрес Израиля, остаются проблемы с Сирией и беженцами (на территории страны их пока остаётся около 4 миллионов). В то же время позитивно развиваются отношения с Россией, Турция ограничивает ресурс нараращения своей стратегической автономии на этом направлении, хотя существуют объективные условия для расширения связей по целому ряду направлений: политическому, международно-институциональному, военно-техническому, торгово-экономическому, ресурсно-энергетическому. Многие до сих пор определяют готовность Турции находить компромиссы по спорным вопросам на пространствах общего соседства (Закавказье, Центральная Азия, Восточное Средиземноморье) и проблематикой взаимодействия с так называемым коллективным Западом.

Турция подала заявку на вступление в БРИКС. Эрдоган рассматривает это не только как "новые возможности для развития экономического сотрудничества и укрепления национальной экономики", но и как "участие в создании возможного противовеса доминированию Запада в международных делах, особенно с точки зрения финансовых институтов и политики". Турция на пороге серьёзного обновления, и ждать от неё осталось недолго.

Станислав ТАРАСОВ

ДО СИХ ПОР АВТОР этой статьи, рассказывая знакомым о нынешней Германии, в которой прожил много лет, сталкивается с удивительным фактом. Люди, которые сами с трибуны и экранов говорят о безнадежном закате Европы и о её глубокой деградации, отказываются воспринимать слова о том, что эта деградация в полной мере охватила немецкую медицину, немецкую транспортную сферу, немецкую почту: "Неужели? Но ведь немецкая медицина — это высшая марка! Что вы, немецкие автобаны, железные дороги — это символы качества и точности, иначе откуда бы у нас утвердились выражения "немецкая пунктуальность"? А почта — это ведь основа немецкой бюрократии, как она может запаздывать и приходить на чужие адреса?"...

Рассказы о том, как безбожно опаздывают поезда дальнего следования, не говоря уже о региональных маршрутах, о том, что задержка на полчаса вообще не считается опозданием в статистических оценках, многими и на третьем году войны с Западом воспринимаются как навет на "святое". Не верят в то, что очереди на МРТ немцу можно ждать по два и по три месяца, что при травме обычное дело, когда фелдшер накладывает гипс на кровотокащую осадину, в приёмном покое больницы инфарктами может прождать в очереди пять часов, а чтобы попасть на приём к терапевту, вам надо теперь убедить в этом его старшую медсестру. Такое, говорят мне, — удел России, может быть, Греции с Болгарией, а не Германии. В Германии могут случиться Гитлер, Гейббель и даже Бербок, но не то, о чём вы рассказываете.

Автору понятно, на чём основана устойчивость мифа о Германии. Она основана на сравнительно недавней реальности, зацементированной восхищёнными нашими открывателями Европы от горбачёвских времён и вплоть до нулевых годов. А может быть, не от горбачёвских, а от карамзинских. Как бы то ни было, ФРГ 1990-х годов — это был Запад, поглотивший восток Германии. Это было сильное социальное государство, мощная тяжёлая промышленность, развитая наземная, морская, речная, авиационная логистика, почта-телеграф. Это была бюрократия точности, её механистичность и повсеместность была скрыта под мягким корпусом человечности, гуманности. В немецких семьях и в политическом дискурсе христианство играло важную роль и казалось несущей конструкцией идеологической системы. Тогда неприличным считалось без веской причины отказываться от приглашения прийти к приятелям на семейный праздник — на Коммунион или на Конфирмацию (причастие ребёнка у католиков или у евангелистов), а политическая система имела двойной остов: реальный федерализм и чётко расчерченную партийную систему со сдвоенным центром — более правыми ХДС и ХСС (Христианские демократы и Христианские социалисты из Баварии) и более левыми социал-демократатами (СДПГ). Для маргиналов были предусмотрены выраженные флаги — "Зелёные" (а позже — и "Левые") и коммунисты, для высokoбoлых — "Либералы" (СвДП), для совсем "отбитых реваншистов" — НДПГ (Национал-демократы).

Той Германии было присуще сильное антивоенное движение, доставшееся по инерции страха ядерной войны с СССР, идущего из 1980-х годов, а также движение за экологию, тоже достаточно мощное. До решения об участии ФРГ в бомбардировках Белграда эти два движения имели общий сердечник и широкую базу поддержки не только в левом лагере, но и в центре.

Вся эта система, в целом, казалась устойчивой, что во многом достигалось благодаря высокому уровню восприятия собственного благополучия, разнообразным и прочным социальным связям, которые пронизывали различные слои общества (значительную роль в этом играли так называемый "верайне" — объединения спортивные, музыкально-хоровые и т. д.). Эту систему отличал высокий уровень доверия "среднего немца" к собственным мейнстримовским СМИ, которые, каждое в отдельности, отражали интересы той или иной политической и финансово-экономической группы, и только в критические моменты должны были транслировать нарративы (хотя тогда этого слова не использовали), которые определяла высшая политическая элита. В значительной мере эта элита ориентировалась на США, но не всегда и не во всём. Главными принципами той Германии были "стабильность" и "ничего от прошлого". От нацистского прошлого.

Но под той "стабильной Германией" была заложена бомба. Эта бомба — соотнесение себя с прошлым и с настоящим. Дело в двух совершенно разных денацификациях: в западных землях её осуществляли американцы с британцами, а на востоке этим занимался СССР. Как пояснил автору несколько лет назад известный немецкий журналист Юрген Эльзессер, "американцы лишили нас наших песен, нашей культуры, они сделали нас 'не немцами'. СССР в ГДР не ставил задачу сделать нас 'не немцами'". То есть в ФРГ, в отличие от ГДР, постепенно, но массово был сформирован тип немца, который "не немец", который не желает быть "немцем". Он может быть кёльнцем, ганноверцем, берлинцем — но не немцем. Он не должен иметь ничего общего с германским прошлым, с тем, за что вина немца — несмываема. Лучше он будет европейцем...". Запомним этот тезис.

ДЕМОНТАЖ СИСТЕМЫ "стабильная Германия" происходил в несколько этапов. Назову три. Первый — это участие в разгроме Сербии, это бомбы 1999 года, брошенные на Белград, это обман, на который пошли тогдашний канцлер Шрёдер (СДПГ) и его министр иностранных дел Фишер ("Зелёные") по отношению к министру финансов и товарищу Шрёдера по партии — Лафонтену. Последнее было обещано, что без его согласия решение об участии в войне принято не будет. Пока же он, будучи убе-

депутаты уже готовили новые законы, благодаря которым этим колониам вскоре должно быть предоставлено право участвовать в выборах политических земель, стран, всей Европы...

Германия встала в авангарде "зелёного передела" и сделала его полигоном. Решающую роль в этом сыграло наличие того самого "немца — не немца", который обязал себя быть самым гуманным, самым экологичным, самым толерантным, чтобы никто не заподозрил в нём "прежнего немца". Парадоксальным образом так возник новый тип глобалистского фашизма, индуцированного на Германию, который автор несколько лет назад описал как "зелёный фашизм" (об этом подробно см. "Ничтожная Германия", 20.04.23, "Завтра").

Этот качественный переход решительно изменил и партийную систему. За режим дрейфом "Зелёных" вынуждены были последовать и социал-демократы, и так называемые христианские партии, фактически отказавшиеся таким образом от христианских принципов, и "Либералы", и отчасти даже "Левые". Противостоят эскадронам и колониам, идущим с лозунгами о свободе и спасении мира они не решились, тем более что эти лозунги были поддержаны законодателями политической моды в США. Так называемый сдвоенный центр в устойчивой партийной системе опустел. Вот в такой ситуации на политической арене возникла "Альтернатива для Германии" (АдГ).

лизм "левого и правого" проявился в Германии уже тогда. А сегодня мы можем утверждать, что классическое представление германистов-теоретиков о чётком делении на левых и правых — это реликт прошлого.

Да, теоретики и создатели АдГ были центристами и сторонниками объединения идей либеральной экономической модели и сохранения немецкой идентичности, а также защиты старой доброй немецкой индустрии (химпрома, автопрома, станкостроения и приборостроения) от Брюсселя и хищных финансистов-глобалистов, задушавших, как уже упоминалось, создать новую, менее энергёмую экономику и новый, более управляемый трансгуманистический человеко-конструктор.

Но высокобoлых интеллектуалов в АдГ достаточно быстро сменили другие лидеры. Этому способствовал миграционный взрыв, учинённый Ангелой Меркель в 2015 году. Как сохранить идентичность немца, когда уже создан массовый тип "немца — не немца"? Приток миллионов "со всем не немцев", "совсем не европейцев" из Африки и Азии позволил определённым группам в АдГ озвучить облегчённый ответ на этот вопрос и дал основания называть "альтернативщиков" очень правыми.

А ещё этот кризис привлёк в ряды АдГ большое количество граждан ФРГ с иностранными корнями, но давно уже пустивших ростки в этой стране: турок, иранцев, поляков, евреев, — которые новые беженцы, алчно взвзирающие на свитые ими нёзды, совершенно ни к чему...

Отдельная категория — это так называемые русские немцы, или немцы Поволжья. В значительной мере это консервативные христианские семьи и даже кланы, которые долгие годы и в тяжёлых условиях старались сохранить немецкую идентичность ещё в России и в СССР, а в Германии оказались дважды чужими — ими стали управлять такие, как Роберт Хабек (нынешний "зелёный" министр экономики, утверждающий, что от слова Родина его тошнит), а вокруг них на глазах множатся анклавны шариаты...

Поэтому в АдГ сформировались группы сторонников радикальных решений по вопросам неконтролируемого притока беженцев и сохранения идентичности народа Германии (завзучали и термин "нация", который для "немца — не немца" является табу, и слово "депортация"). Появились политики типа Бюрна Хёкке, который в Тюрингии вышел на первые роли с заявлениями, которые действительно можно воспринять в контексте реабилитации нацистского прошлого Германии.

И это ответ не только на миграционный взрыв, который грозит окончательным, демографическим концом немецкой национальной и культурной идентичности. Это ответ и на празднование победы на костях такой идентичности "немцами — не немцами", осуществляемыми "зелёный передел". Такие крайние, радикальные правые группы составляют анклавы в АдГ, они имеются в ряде мелких партий на уровне тех или иных федеральных земель, и они есть по меньшей мере в ХДС и в баварской ХСС (но там они ведут себя политкорректно и тихо, подчиняясь общему тренду на "зелёный передел". Там скрытое, задушенное "немецкое" в значительной мере трансформируется в антироссийский реваншизм).

То есть сейчас имеет место парадоксальная ситуация: в Германии сталкиваются фашизм в форме государственного "зелёного передела" и нацизм, проявленный в слабенькой и пока маргинальной форме реваншизма. Однако к АдГ это отношения не имеет — характерно, как с облегчением вздохнули лидеры федеральной АдГ Алис Вайдель и Тино Хуралла, когда выяснилось, что лидер АдГ Тюрингии Хёкке на выборах там проиграл прямое голосование в своём округе и прямого мандата не получил... АдГ — вполне лояльная западным принципам партия правого центра, она — за повышение расходов на НАТО, за принятие в Альянс Швеции и Финляндии, за либеральный капитализм. И, как заметил в вышеупомянутом интервью Лафонтен, больше всего нынешние руководители АдГ хотели бы, чтобы им протянул руку ХДС: в этом направлении они "прогибаются", всё ещё пребывая в иллюзии, что ХДС можно удержать в центре системы...

ВПРОЧЕМ, С ПРАЗДНОВАНИЕМ победы "бесы-переделщики" потопорились. Срабатала та бомба, о которой мы упоминали

в начале текста — разница денацификаций на востоке и на западе Германии. Немец в бывшей ГДР не стал "немцем — не немцем" и массово проголосовал против "зелёного передела" (ни одного депутатского мандата в Бранденбурге и в Тюрингии и 7 мест из 120 в Саксонии), который в глазах избирателя объединил и безудержную миграцию, и украинизацию Германии, и экономический кризис, и связанный с этим кризисом разрыв социальных связей (простая деталь: из-за сильного повышения цен на электроэнергию многие спортивные клубы, залы и бассейны прекратили работу или резко повысили членские взносы).

Избиратель принял за творцов "зелёного передела", в первую очередь, "Зелёных", хотя и назвал и их партнёров по правящей коалиции — социал-демократов и "Либералов", что тоже естественно, однако тут есть подвох.

"Зелёный фашизм" — это не продукт творчества "Зелёных", они лишь выступили его самым радикальным авангардом на нынешнем этапе, как первая ступень многоступенчатой ракеты. Глобалистская идея формирования новой экономики, нового социума, нового человека — это ствольная клетка, занесённая во все политические структуры немецкого мейнстрима. В том числе и в ХДС. Её нынешний лидер Фридрих Мерц — ярый атлантист. Но ведь и миграционный кризис, и переход к возобновляемой энергетике были декларированы ещё Ангелой Меркель (массовый приток мигрантов, среди которых многие являются приверженцами ислама, — это почва для системного изменения государства, а именно для так называемого исламизации Германии — так описал нынешнюю ситуацию бывший руководитель контрразведки ФРГ, а сейчас — лидер новой партии "Союз ценностей" Ханс-Георг Маасен. Этот профессиональный юрист в области миграционного права пошёл в своём анализе дальше: по его оценке, не следует исходить из того, что власти ФРГ, как нынешние, так и предыдущие, допустили до такой драматической ситуации в силу ряда ошибок и заблуждений. Маасен считает, что ранее Ангела Меркель, а затем команда Олафа Шольца преследовали и преследуют стратегическую цель: создать другую Германию, другое общество, другую экономику, другой национальный состав. И для реализации этой стратегии "отрицания Германии" власти шли и идут на приём сотен и сотен тысяч мигрантов, которые с правовой точки зрения не имеют никаких оснований для пребывания в ФРГ).

Так что закат "Зелёных" вовсе не означает ни конца "зелёного передела", ни тем более конца "Зелёного фашизма". Эта гидра имеет высокий уровень умений маскироваться под разные идеологические программы, перестраивать мозги "немцев — не немцев", отбрасывать отслужившие органы и своевременно создавать, клонировать им замену, а для направления в авангард печатать на своём ментальном 3D-принтере новых, ещё более агрессивных монстров.

Два примера в подтверждение и в заключение. Когда модель авангарда с Гретой Тунберг и маршами "Пятница во имя будущего" своё отслужила, Грету списали. Но немедленно возникла ещё более радикальная группа "Летце дженерейшн" ("Последнее поколение"), члены которой принялись приклеиваться к костям, шоссеиным полотнам, взлётно-посадочным полосам, препятствуя не конвоям с радиоактивными отходами, как делали некогда экоактивисты, а обычным бюргерам, и требовать перемен и отказа от старой доброй немецкой авто- и авиаиндустрии.

А тем временем, как сейчас выяснилось, концерны немецкого ВПК стараются через свои лobbистские структуры добиться дополнительного финансирования от ЕС, которое там выделяет на экологичные "зелёные" технологии! То есть так называемые капиталы немецкого ВПК намерены идти вместе с "бес-переделщиками". Осталось напомнить, что в сентябре власти ФРГ собрали этих капитанов ВПК и вообще крупную индустрию для консультаций по вопросу о поддержке их государством и участии государства в акциях их предприятий. То есть нынешний "зелёный фашизм" идёт по следам того государства, которое в 1930-е годы, готовая к радикальному переделу общества, экономики и к большой войне, осуществляло как раз сходные шаги.

Виталий ВОЛКОВ